
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Анастасия Кальк

БЕЗВЫХОДНЫЙ ТРУД В РАБОТАХ НЕГРИ, ХАРДТА И ГОРЦА

В центре внимания этого анализа – причины связи трудового опыта и политической субъективности или участия в политике. Текст исходит из предпосылки о наличии несомненной связи между указанными сферами и описывает два различных способа появления «политики» из области современного «труда». Первый проект связан с именами Майкла Хардта и Антонио Негри. У авторов революционная политика возникает внутри трудового процесса. Негри и Хардт старательно разрушают все «классические» противоречия, о которых писали Маркс и Грамши: между трудом и политикой, между нематериальным и материальным трудом, между работой и не-работой. Они также снимают напряжение между интеллектуальным и не-интеллектуальным содержанием труда, которое выступало для Грамши условием формирования политической субъективности. В итоге категории труда и политики Негри и Хардта, очищенные от множества конфликтных измерений и взятые вместе с описываемыми социальными отношениями, превращаются в тупиковые. Авторы не оставляют места для отрицания и критики трудовых отношений. Андре Горц, исследователь, которого ставят в один ряд с теоретиками «нового капитализма», предлагает иной способ связи политики и труда. В отличие от первых двух авторов, Горц заостряет различие между работой и не-работой. Согласно Горцу, политический субъект способен возникнуть только в результате отказа от труда или в области не-работы. По его мнению, невозможность быть полноценными работниками и постоянное перемещение из рабочего состояния в не-рабочее, характерное для нестабильно занятых сотрудников, делает

Анастасия Кальк – аспирантка факультета политики Новой школы социальных исследований, Нью-Йорк, США. Электронная почта: ans.kalk@gmail.com

последних более «уязвимыми» для политического действия по созданию нового социального порядка.

Ключевые слова: труд, политический субъект, нестабильная занятость, Грамши, Негри, Хардт, Горц

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-323-332

В политической философии на протяжении столетий труд и политика являлись неразлучными попутчиками. Однако долгое время наемные работники, продавцы исключительно собственного труда, оставались скорее исключенными элементами в общем политическом теле государства. Эти нерациональные, животные элементы не вписывались в определение граждан и ограничивали его. Философия Маркса превращает труд из ограничения политики в ее основание: трудовые противоречия становятся центральным условием политической борьбы.

Тем не менее неоднозначность связи между трудом и политической субъектностью в работах Маркса привела к образованию двух отличных друг от друга способов мыслить отношения между этими двумя сферами. Первый отражен в текстах «Империи» и «Множества» Антонио Негри и Майкла Хардта, а второй представлен фрагментарными заметками и книгами французского исследователя Андре Горца. В литературе по новым трудовым отношениям и прекарной занятости имени Горца, Негри и Хардта часто перечисляют через запятую. Конечно, авторов многое объединяет. Но различия этих проектов кажутся намного более значимыми и интересными, чем очевидные сходства. В этом тексте я попытаюсь ответить на вопрос, в чем заключаются эти различия.

«Множество» как ответ на «Партию» Грамши?

Политическая теория Негри и Хардта основана на идеях трех авторов: Маркса, Делеза и Грамши. Если связь с первыми двумя почти никогда не ставится под вопрос, то с третьим автором дело обстоит сложнее. Почти не ссылаясь на труды Антонио Грамши, Негри вместе с Хардтом выстраивают собственную теорию, отвечая на те вопросы и вызовы, которые были озвучены не только в знаменитых рукописях Маркса 1844 г. (или в «Государстве и революции» Ленина), но и в «Тюремных тетрадах» Грамши. Эта параллель важна для понимания проекта Негри-Хардта, поэтому прежде чем перейти непосредственно к анализу книги «Множества», перечислю основные моменты теории Грамши.

Революционный (политический) субъект Грамши характеризуется особым дуализмом. С одной стороны, речь идет об «интеллигенции» или «авангарде» истории, органической интеллигенции, «специалистах в области отдельных сторон первоначальной деятельности нового социального

типа, который новый класс вывел на свет» (Грамши 1991 а: 293). С другой, согласно автору, интеллигенция не способна совершить политический переворот в одиночку. Представители этой группы всегда связаны с другими наемными работниками. Настоящим или революционным «интеллигентом» является тот, кто никогда не может до конца «убить» в себе рабочего (занятого физическим трудом), тот, кто всегда остается рабочим, который как бы отрицает сам себя. Основная экономическая группа в обществе (для Грамши – промышленные рабочие) и его органическая интеллигенция скрепляются в едином целом политической партии: «В политической партии лица, принадлежащие к той или иной социальной группе, преодолевают этот момент их исторического развития и становятся участниками общей деятельности, как национальной по своему характеру, так и интернациональной» (Грамши 1991 а: 300). Иначе говоря, партия здесь оказывается именем единого субъекта, скрывающего внутренние противоречия.

Важно отметить, что разрыв между руководителями и подчиненными не ставится под вопрос в «Тюремных тетрадах». Согласно автору, подобные различия должны быть сохранены, поскольку и являются тем, что задает область политического. Кроме того, необходимо, пишет Грамши, удерживать границу между «государством» и «гражданским обществом», где первое вынуждает второе умножать самоорганизации, а гражданское общество постоянно подрывает государственный авторитет. Но почему самоорганизации обязательно должны возникнуть? На основе чего люди объединяются друг с другом? Наконец, почему возникает партия? Ответы на все эти вопросы Грамши пытается обнаружить как раз в области трудовых отношений.

Исходным пунктом нового порядка, «которым чревата действительность», выступает труд. Естественное и прогрессивное развитие экономических сил и структуры, в конечном счете, излечит капиталистические противоречия и откроет возможности для нового радикального политического переустройства, заключает философ. В описании подобного «естественного» характера подготовки действительности к иному политическому режиму Негри и Горц совпадают с Грамши. Однако диагноз Грамши отличается от того, который предлагает Негри. Если Негри описывает происходящие изменения трудовых отношений в качестве процесса возрастающей интеллектуализации труда, то Грамши, напротив, пишет о деградации/механизации трудовых отношений. Причем, именно эта механизация или де-интеллектуализация труда, согласно автору, расширяет возможности для субверсии:

Основные профессиональные движения совершаются без размышлений; человек думает автоматически и в то же время думает, о чем только хочет <...> Рабочий «к сожалению» остается человеком – во время работы он думает больше или имеет гораздо большую возможность думать, по крайней мере, если он преодолел кризис приспособления и не раздавлен им. Но рабочий не только думает, он чувствует, что труд его не дает ему непосредственного удовлетворения, и он понимает, что

его хотят довести до состояния дрессированной гориллы, а это может натолкнуть его на размышления мало способствующие сохранению его покорности (Грамши 1991b:426).

Идея разрыва двух областей: области продуктивного труда (не приносящего удовлетворение) и творческой самореализации (области получения удовольствия) позже встретится также и у Горца. Горц использует это различие для описания зон автономии от государственного вмешательства, то есть неких мест отказа от продуктивной деятельности. Сам Грамши задействует указанное разделение для того, чтобы показать возможность формирования единой силы, состоящей из тех, кто в разной степени неудовлетворен собственным трудом. Работник, который занимается механическим трудом, согласно автору, не получает удовольствия от собственной деятельности. Недостаток интеллектуальности в его/ее труде и недостаток ощущения общности приводит к желанию стать частью партии и связан с желанием альтернативного мира в целом.

Итак, обозначим центральную проблему работ Грамши с точки зрения анализа связи труд-политика. Главным противоречием в труде для автора является противоречие между его интеллектуальным и неинтеллектуальным содержанием. Эта оппозиция похожа на различие между нематериальным и материальным трудом Негри и Хардта. «Интеллектуальный» труд всегда содержит неинтеллектуальный элемент в качестве собственного содержания или прошлого. И наоборот: неинтеллектуальный скрывает желание более интеллектуальной работы. Напряжение, которое возникает в результате одновременного присутствия двух типов труда, разрыв в процессе труда, и выступает для Грамши условием для формирования политической субъектности. В теории Негри и Хардта дело обстоит совершенно иначе.

Негри, Хардт и нематериальное множество

Недостатка интеллектуальности и коллективности в мире современных трудовых отношений нет или, точнее, с течением времени такой недостаток исчезнет, заключают авторы в 2000-х гг. Согласно Негри и Хардту, труд изменился с тех пор, как Маркс или Грамши работали над его теоретическим осмыслением. Производство автоматизировалось и впитало в себя современные информационные технологии. Понятие «труда» Маркса работало только в контексте индустриального и фордистского общества.

Теоретические усилия Негри и Хардта были направлены на выработку новых категорий, способных схватить и объяснить произошедшие перемены и обозначить тенденции развития. Введенные ими понятия «множества» и «нематериального труда», тем не менее не до конца решили указанную задачу. Поставив своего рода смертельный диагноз фордистскому миру, авторы увидели политическую историю в качестве почти последовательных,

сменяющих друг друга стадий и предложили в «Множестве» картину мира постфордизма, почти лишенного противоречий:

Мы являемся свидетелями разрушения прежних границ, разделявших сельскохозяйственных рабочих и индустриальных, рабочий класс и безработных. Возросшая общность условий труда во всех отраслях обязана расширению значения знаний, информации, аффективных отношений кооперации и коммуникации. Несмотря на то что каждая форма труда остается сингулярной – все они, несомненно, развивают общие основания производства. [современное] Производство само по себе производит общее – общие отношения и знания (Negri, Hardt 2004: 349).

Ранние работы Негри, правда, оставляют место для поиска неоднозначности наблюдаемых трансформаций:

Чем более капиталистический процесс расширяется на социальном уровне, тем более принудительными становятся отношения эксплуатации. Парадоксальным фактом оказывается, что умножая элементы подчинения капиталистический процесс одновременно умножает элементы координации между индивидами (Negri 1972: 127).

Тем не менее в 2000-е гг. Негри и Хардт выдвинули теорию, согласно которой именно нематериальный труд, начиная с 1970-х гг. постепенно превращается в господствующую форму труда. Такая форма труда прирастает к любой «материальной» деятельности или просто замещает ее. Но загадочным до сих пор остается само понятие «материального», по отношению к которому выделяется его негативное определение. В широком смысле, нематериальным трудом или биополитическим нематериальным производством Негри и Хардт называют производство жизни вообще или производство любых социальных отношений, в частности. Но, если это так, то чем тогда новый (нематериальный) труд отличается от старого? Что нам известно о нематериальном труде, кроме того, что он коренным образом отличается от материального? Для меня эти два вопроса остаются открытыми.

Существует как минимум два типа нематериального труда, которые Негри и Хардт различают в «Множестве». Первый тип – символический нематериальный труд – представляет собой труд преимущественно интеллектуальный и лингвистический. Второй тип труда – «аффективный» – и связан с деятельностью по производству и продаже эмоций. Работник, занятый нематериальным трудом производит образы, эмоции, тексты и идеи в отличие от работника материального, занятого производством преимущественно физических объектов. Различие материального/нематериального во многом перекликается и даже совпадает с разделением интеллектуального/неинтеллектуального труда Грамши. Однако Грамши, в отличие от Негри и Хардта, как было замечено выше, стремится не стереть подобную оппозицию или сделать ее более туманной, но наоборот, заостряет ее и на этой основе выстраивает связи между трудовой деятельностью и политическим участием.

Труд современных работников, пишут Негри и Хардт, устроен таким образом, что обязательно привязывает людей друг другу, предполагает интенсивное общение и даже кооперацию. Для авторов труд приобретает черты политики и становится политическим сам по себе, поскольку функционирует в качестве площадки для публичных выступлений, дискуссий, конфликтов, убеждений, социального деления и образования сообществ:

Управляемые становятся все более автономными, способными сформировать общество самостоятельно. Новые формы труда обеспечивают новые возможности для самоуправляющейся экономики, с тех пор как механизмы кооперации стали неотъемлемой частью производства. Когда социальные отношения, сети коммуникации и формы жизни, а не материальные вещи, являются продуктами труда, тогда очевидно, что производство превращается в разновидность политического производства или производства общества как такового. <...> Другими словами, экономическое производство множества является не только моделью для принятия политических решений, но способно быть самим механизмом политического управления (Negri 1972: 340).

В проекте «Множества» нет места для разрушения старого политического порядка, так как нет самого этого порядка – он остается лишь иллюзией в сознании граждан и работников. Нет никакой политики вне труда или вне множеств, а империя представляет собой отмирающий административный аппарат. Для доказательства этих тезисов Негри и Хардт пускают в ход социологические аргументы. Так, они прослеживают прямую связь между трансформацией условий труда, с одной стороны, и изменениями в формах радикального политического сопротивления, с другой. И в первом и во втором случае, по мнению авторов, происходит отрицание прошлых иерархических способов социальной организации в пользу так называемых «неиерархических» моделей. Причем процесс труда выступает в этом случае скорее в качестве независимой переменной, то есть трудовые отношения понимаются как источник для формирования политического субъекта – сети «множества»:

Взглянув внутрь производства и обнаружив условия труда и основания эксплуатации, мы будем способны увидеть, как сопротивление зарождается на рабочем месте, и как оно трансформируется вместе с изменениями труда и отношений производства (Negri, Hardt 2004: 88).

Необходимо подчеркнуть, что Негри и Хардт не различают «множество» как эмпирическую данность и «множество» как политический идеал. В разных текстах эта категория принимает противоположные значения. Где-то в качестве «множества» выступает сеть-которой-нет-но-которую-мы-должны-построить, то есть некоторая формообразующая идея, а где-то, напротив, общество, уже готовое для коммунистической жизни.

В определенном смысле, Негри и Хардт упростили философию труда Грамши. Для последнего политическая субъективность образовывалась из набора двух пар противоречий: во-первых, противоречия между материальным и нематериальным трудом, и, во-вторых, из конфликта между партией и государством (то есть интеллигенцией и владельцами капитала). Оба эти противоречия исчезают в текстах Негри и Хардта. Здесь нет уже ни различия между работающими и неработающими (безработными), ни значимых различий в формах труда. Сама по себе категория «труда» быстро превращается в то, что охватывает всю совокупность человеческой (и нечеловеческой) деятельности и утрачивает политический смысл.

Горц, социальный исследователь, которого часто ставят в один ряд с «теоретиками новых трудовых отношений» или «нового капитализма», предлагает совершенно иной способ связи труда и политики. Именно его работы, а не работы позднего Негри, как мне кажется, возвращают политику и диалектику в труд и могут стать источником для будущего переосмысления отношений между современным трудом и политической субъектностью.

Горц: отказ от труда

Начиная с 1980-х гг., Горц пишет о невозможности преодоления отчуждения в труде. Конечно, считает автор, какие-то эффекты отчуждения могут быть ослаблены уже сегодня, и в этом он вполне согласен с Негри, но отчуждение, возникающее в труде, никогда не будет до конца преодолено. В работе «Прощание с рабочим классом» Горц доказывает: политическая эмансипация рабочих может быть лишь результатом «великого» отказа от работы (Gorz 1982). Труд для Горца означает нечто репрессивное, построенное на отношениях подчинения, контроля и экономической рациональности. Такое же понимание труда можно обнаружить в текстах авторов ранней франкфуртской школы – Адорно и Маркузе, к которым Горц был достаточно близок.

В современном мире, пишет автор, происходит не сближение областей труда и «жизни», то есть области отсутствия труда, но, напротив, опасное подчинение второго первому и разрушение ощутимых границ между двумя сферами. Иначе говоря, если раньше работник мог «укрыться» от работы в «личной жизни» (что, конечно, спорно), на короткое время вырваться из состояния подчинения, то теперь, согласно автору, зона автономии от труда радикально сужается:

Работники эпохи постфордизма должны привносить в производственный процесс весь свой культурный багаж, приобретенный в играх, командных состязаниях, конфликтах, дискуссиях, в занятиях музыкой, через участие в театральных представлениях и проч. Во всех этих занятиях в нерабочее время они развивают в себе живость ума, способность к импровизации и кооперации. Эта их личная сущность на постфордистских предприятиях вовлекается в трудовой процесс и эксплуатируется (Горц 2007: 14).

Тем не менее граница между работой и не-работой не разрушена окончательно, поэтому использование в работе знаний и навыков, полученных за ее пределами, образует для работников особое напряжение:

Чем больше труд апеллирует к дарованиям сотрудника, к его способности продуцировать самого себя, к тому, что придает «ему ценность в его собственных глазах», тем больше эти способности стремятся выйти за рамки реализации лишь в пределах поставленной задачи. Работник будет постоянно стремиться доказать себе, что он стоит больше того, что делает на работе. Он захочет проявить свои умения во внерабочей и побочной рабочей деятельности, которую будет считать самоцелью. <...> Чтобы спасти хотя бы часть своей жизни от тотального утилитарного применения, работники нематериального труда начинают приписывать своим игровым, спортивным, культурным и общественным занятиям, в которых самосоздание является самоцелью, большую важность, чем работе. <...> Принуждения и ценности капиталистического общества перестают восприниматься как естественные и высвобождают энергию воображения и желания (Горц 2007: 16–55).

Речь идет о ситуации, при которой работа (или деятельность по производству стоимости), впитывая/подчиняя внешние области человеческой жизни, парадоксальным образом высвобождает их. Не-рабочие сферы превращаются для работников в субъективно гораздо более значимые. Иначе говоря, современные работники, по мнению Горца, как бы «насильно» выталкиваются в область не-работы. Правда, это не означает, что они начинают относиться критически ко всей системе трудовых отношений. В модели Горца, и в этом его основное отличие от проекта Негри и Хардта, культурная и политическая автономия не вырастает из трудовой ситуации как таковой, а достигается лишь в результате активистских практик сопротивления, источник формирования которых – вне-трудовая деятельность.

Отсюда наиболее перспективными в смысле становления в качестве политического субъекта, оказываются нестабильно занятые работники или «прекарии». Почему именно эта группа? Они являются более склонными к политическому участию совсем не потому, что более образованы или их труд нематериален. Нет, дело в том, что такие работники постоянно перемещаются из одного состояния в другое и никогда не являются полноценными работниками. Даже когда они заняты, прекарии продолжают оставаться потенциальными безработными. Из-за слабой связи с миром работы и идеологией «труда», «неопролетарии», как их называет Горц, обладают потенциалом поставить под вопрос текущий политический и экономический порядок.

Речь идет о двойном процессе. С одной стороны, в современном мире, по мнению Горца, происходит снижение значимости сферы труда. С другой, увеличивается общее количество непостоянно занятых, из-за чего идентификация с работой становится чем-то скорее иллюзорным (Gortz 1982). Для Горца, в отличие от Негри, все основания для «нового» мира располагаются не в области труда, а в точке, лежащей за его пределами:

В капитале знаний заложен зародыш отрицания капитализма и выхода за рамки капитализма, труда как товара и товарных отношений. <...> Экономика знания есть другая экономика – она охватывает все не поддающиеся исчислению и оплате виды труда и отношений, где побудительным мотивом является спонтанная радость от свободного сотрудничества, свободной отдачи и общежития. Из нее возникает способность чувствовать, любить, держаться вместе. Только в этой другой экономике, которая в то же время является ино-бытием экономики, мы взаимно учим друг друга гуманности и создаем культуру общинного мышления и общинной жизни (Горц 2007: 45).

Заключение

В современной постмарксистской политической теории вопросами связи труда и политики редко всерьез интересуются. Как правило, эта связь либо провозглашается чем-то крайне очевидным, либо игнорируется как малозначимая. Примером авторов, считающих ее несомненной, являются Негри и Хардт. Во вторую группу попадают такие философы, как, например, Эрнесто Лаклау, Шанталь Муфф или Жак Рансьер. В этом тексте я попыталась показать, какие проблемы и вопросы все еще остаются нерешенными для тех, кто пытается разобраться с проблемой отношений между политической субъектностью и областью трудовых отношений.

Горц, Негри и Хардт по-разному понимают смысл нестабильной занятости и причины, по которой именно такие работники становятся участниками общественных движений. Горц видит эту причину в диалектике работы и не-работы, в то время как Негри и Хардт склонны приписывать объяснение активной политической роли нестабильно занятых работников нематериальному характеру их труда. В философии итальянских авторов область не-работы и акт отрицания труда являются чем-то невозможным. Работы Горца, в этом смысле способны вернуть интригу и проблему в «безвыходный» нематериальный труд Негри. Как и почему возникает субъект коллективных действий? Какое место в этом процессе занимает труд и его отрицание? Где и почему происходит выход из области трудовых отношений? Все это вопросы, на которые пока не предлагает ответов ни политическая теория, ни социология общественных движений.

Список источников

- Горц А. (2007) Знание, стоимость, капитал: к критике экономики знаний. *Логос*, 4 (61): 5–63.
- Грамши А. (1991 а) *Тюремные тетради*, М.: Политиздат.
- Грамши А. (1991 б) Американизм и Фордизм. *Искусство и политика*, Т. I, М.: Искусство: 416–454.
- Gorz A. (1982) *Farewell to the Working Class*, London: Pluto press.
- Negri A., Hardt M. (2004) *Multitude: war and democracy in the age of Empire*, New York: Penguin press.
- Negri A. (1972) *Labor in the Constitution, Labor of Dionysus*, New York: Minnesota press.

Anastasia Kalk

INFINITE LABOR IN THE WORKS OF NEGRI, HARDT, AND GORTZ

The article examines relations between work experience and political subjectivity. This paper rests on the assumption that the two phenomena are co-dependent. Here, I describe two theoretical models explaining when and why labor experience becomes formative for political subjects. Negri and Hardt deploy the first theory of labor-politics relations. For them, politics always emerges inside a labor process. The authors endlessly destroy all the 'classic' contradictions Marx and Gramsci wrote about, including contradictions between labor and politics, material and immaterial labor, work and nonwork, and, finally, between intellectual and non-intellectual work content. It was the last opposition that, for Gramsci, conditioned the formation of political subjectivity. The philosophy of Negri and Hardt voids the categories of labor and politics from a conflictual dimension. Taken together with the social relations the categories turn into something infinite and unalterable. The authors don't leave to an individual a possibility of escaping from the world of work, i.e. a capacity of negating contemporary labor relations. In his works, Andre Gorz, the scholar often mentioned together with Negri and Hardt in the literature on 'the new capitalism' and precarious forms of employment, develops a different way of linking politics to the sphere of labor. In contrast to the first authors, Gorz distinguishes working life from non-working time. According to him, a political subject can emerge solely through the negation of work i.e. in the realm of non-working life. The impossibility of being full-time workers and constant transitions from being a worker to unemployed (an out-of-work person) and back, peculiar to precarious employees, make individuals more 'vulnerable' or prone to the political action aimed to transform a current social order.

Ключевые слова: labor, work, political subject, precarity, Gramsci, Negri, Hardt, Gorz

DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-2-323-332

References

- Gorz A. (2007) *Znanie, Stoimost', Capital: k kritike ekonomiki znanii [Knowledge, Value and Capital: Critique of the Economy of Knowledge]*. *Logos*, 4 (61): 5–63.
- Gorz A. (1982) *Farewell to the Working Class*, London: Pluto press.
- Gramsci A. (1991 a) *Tyuremnie tenradi [Prison Notebooks]*, Moscow: Politizdat.
- Gramsci A. (1991 b) *Americanism i Fordism [Americanism and Fordism]*. *Iskusstvo i Politika [Art and Politics]*, Vol. 1, Moscow: Iskusstvo: 416–454.
- Negri A., Hardt M. (2004) *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*, New York: Penguin press.
- Negri A. (1972) *Labor in the Constitution, Labor of Dionysus*, New York: Minnesota press.

Anastasia Kalk – a graduate student at the Department of Politics, the New School for Social Research, an author and editor of C4, an online journal about contemporary critical theory, New York, USA. Email: ans.kalk@gmail.com